

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN TBCWVA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>

ОБРАЗ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Борисова Дарья Максимовна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, borisovadarya2015@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа Пушкинского Заповедника в прозе К.Г. Паустовского. Писатель дважды – в 1937 и 1954 гг. – посетил музей-заповедник; в наследии автора можно выделить целый корпус текстов, в которых фигурируют пушкинские места. Нами были исследованы ключевые произведения К.Г. Паустовского о Пушкинском Заповеднике: «Михайловские рощи» (1938), «Дым Отечества» (1944) и «Ветер скорости» (1954). Данные произведения впервые рассматриваются в контексте «усадебного топоса», одной из модификаций которого является музей-усадебный комплекс. Образ Пушкинского Заповедника в прозе Паустовского не был статичным; он развивался на протяжении лет, вбирая в себя и изменения в жизни страны, и историю самого музея-заповедника, и, наконец, перемены в восприятии пушкинских мест писателем. Из места памяти о навсегда ушедшем прошлом («Михайловские рощи») Пушкинский Заповедник превратился в пространство, где вечно присутствует дух гения («Дым Отечества», «Ветер скорости»). Переломным моментом в этом превращении стала Великая Отечественная война, поставившая под угрозу национальную культуру и обострившая осознание ценности памятных мест.

Ключевые слова: Пушкинский Заповедник, Михайловское, К.Г. Паустовский, советская литература, усадебная культура, усадебный топос.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Борисова Д.М. Образ Пушкинского Заповедника в прозе К.Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 91–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>

Research Article

THE IMAGE OF PUSHKIN RESERVE IN THE PROSE OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY

Daria M. Borisova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. This article is devoted to the study of the image of Pushkin Reserve in the prose of Konstantin Paustovsky. Writer twice – in 1937 and 1954 – visited Alexander Pushkin’s museum-reserve; in the author’s legacy, one can single out a whole corpus of texts in which Pushkin’s passages appear. We have studied the key works of Konstantin Paustovsky about Pushkin Reserve – “Michael’s Groves” (1938), “Smoke of the Fatherland” (1944) and “Wind of Speed” (1954). These works have for the first time been considered in the context of the “estate topos” one of the modifications of which, is the museum-estate. The image of Pushkin Reserve in Konstantin Paustovsky’s prose was not static; it had evolved over the years, absorbing changes in the life of the country, and the history of the museum-reserve itself, and, finally, changes in the writer’s perception of Pushkin’s places. From a place of memory of the past forever gone (“Michael’s Groves”), Pushkin Reserve turned into a place of eternal presence of the spirit of the genius (“Smoke of the Fatherland”, “Wind of Speed”). The turning point in this transformation was the Axis aggression against the USSR, which threatened the culture of the latter and sharpened awareness of the value of memorial sites.

Keywords: Alexander Pushkin Reserve, Michael’s estate of Pushkin, Konstantin Paustovsky, Soviet literature, estate culture, estate topos.

Acknowledgements. The research was carried out in World Literature Institute at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Borisova D.M. The image of Pushkin Reserve in the prose of Konstantin Paustovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 91–100 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100>

В настоящее время в поле научных интересов исследователей усадебной культуры все чаще оказываются музеи-усадьбы и их отражение в художественной и документальной прозе. Музей-усадьба рассматривается как модификация усадебного топоса, в чем-то противопоставленная «живой» усадьбе, в чем-то, напротив, сохраняющая некоторые ее функции (культурного центра, места отдыха на лоне природы, поиска вдохновения и т.д.). При этом образ музея-усадьбы в литературе существенно варьировался в зависимости от эпохи и мировоззрения автора. Превращенное в музей помещичье имение воспринималось писателями то как «часть преодоленного эксплуататорского <...> прошлого» [Богданова: 201], то как последний осколок навсегда ушедшей дореволюционной России, то как место, позволяющее сохранить «непреходящую ценность накопленных в лоне “усадебной культуры” сокровищ искусства и науки, моделей поведения, форм бытия и быта» [Богданова: 202], то, наконец, как пространство, где подлинная культура и история подменяются мифами о них [Акимова].

Одним из традиционных мест «паломничества» писателей советской эпохи был Пушкинский Заповедник (ныне музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское»). В разные годы его посещали Ю.Н. Тынянов, К.Г. Паустовский, И.Л. Андроников, П.Г. Антокольский, Ю.М. Нагибин, Я.В. Смеляков, Б.А. Ахмадулина и многие другие поэты и прозаики; два летних сезона (1976–1977) проработал экскурсоводом в Заповеднике С.Д. Довлатов. Вокруг пушкинских мест сложился целый корпус текстов, в которых Заповедник предстает в разных образах – от возвышенного, сакрального до сниженного, сатирически-пародийного («Заповедник» Довлатова).

Пушкинский Заповедник занимал особое место в жизни и творчестве К.Г. Паустовского, у которого «еще в юности началась страсть посещать места, связанные с жизнью любимых писателей и поэтов» [Паустовский 9: 392] (из письма Л.Н. Делекторской, 11 февраля 1961 г., Ялта)¹. Из переписки Паустовского с редактором «Детской литературы» Г.Л. Эйхлером известно, что еще в 1936 г. Паустовский задумал поехать в Михайловское и написать очерк. Эйхлер посоветовал не торопиться с поездкой в канун юбилея: «Стоит ли Вам писать в этот “компанейский” период любви к Пушкину? Может быть, лучше подождать, дать материалу “отлежаться”, чтобы потом написать... Я думаю, так будет лучше» (письмо от 26 октября 1936 года)². Паустовский согласился с этим советом и запланировал поездку на май, чтобы написать очерк летом (письмо от 24 января 1937 г.) [Паустовский 9: 136]. В итоге творческая командировка состоялась в июле 1937 г., о чем свидетельствуют письма Паустовского родным и друзьям (Р.И. Фра-

ерману [Паустовский 9: 139], С.М. Навашину [Паустовский 9: 140], В.К. Паустовскому [Паустовский 9: 141]), а также запись в Книге посетителей Михайловского. Вместе со своей второй женой, В.В. Валишевской-Навашиной, Паустовский побывал в Ленинграде, Новгороде, Старой Руссе и Пскове, некоторое время прожил на туристической базе в деревне Воронич и в селе Михайловском. Второй раз Паустовский посетил музей-заповедник в октябре 1954 г., во время автомобильной поездки по северо-западу страны. Писатель пробыл в пушкинских местах совсем недолго: поездка «прошла стремительно» и была «больше похожа на полет» [Паустовский 7: 148].

Об отношении Паустовского к пушкинским местам можно судить по дошедшей до нас переписке. «Здесь, в Михайловском, все полно громадного «неизъяснимого» очарования, и теперь понятно, почему Пушкин так любил эти места», – сообщает писатель Р.И. Фраерману (4 июля 1937 г., Пушкинские горы) [Паустовский 9: 139]. В письме к своему воспитаннику С.М. Навашину Паустовский рассказывает, что в заповеднике «все полно Пушкиным», «места... чудесные» [Паустовский 9: 140] (8 июля 1937 г., Пушкинский государственный заповедник, погост Воронич). Как правило, похвалы писателя обращены в адрес заповедной природы, мемориальных зданий и деревьев. Почти четверть века спустя Паустовский признается Лидии Делекторской, что считает «лучшим местом на земле... холм под стеной Святогорского монастыря в Псковской области, где похоронен Пушкин» (11 февраля 1961 г., Ялта) [Паустовский 9: 392]. Неизменное благоговение перед местами, связанными с жизнью и творчеством гения, писатель передал многим своим героям.

В наследии Паустовского можно выделить корпус текстов, связанных с Пушкинским Заповедником. Еще до поездки автора в Михайловское этот путь проделывает героиня повести «Черное море» (1936) – художница Сметанина. После первого посещения Паустовским музея-заповедника появился очерк «Михайловские рощи» (1938). В 1940-е гг. писатель изображает Пушкинский Заповедник предвоенных и военных лет в романе «Дым Отечества» (1944; опубликован в 1964); в пьесе «Наш современник (Пушкин)» (1949) часть действия разворачивается в Михайловском 1824–1825-х гг. В статье «Пушкин на театральных подмостках» (1949; опубликована в 1969) описана работа над пьесой, подчеркнута значение посещения автором музея-заповедника. В 1954 г. выходят посвященный Заповеднику рассказ «По ту сторону радуги» и очерк «Ветер скорости», появившийся после второго посещения Михайловского. В 1950–60-х гг. упоминание пушкинских мест встречается в статьях «Свидетель времени» (1957) и «Память о Чайковском» (Предисловие к альбому

фотографий «Чайковский в Клину», 1958). В окончательный вариант «Золотой розы», опубликованный в 1967 г. в восьмитомном собрании сочинений, вошла – с незначительными изменениями – фраза о «лучшем месте на земле» [Паустовский 3: 327] в Пушкинских Горах (глава «Иван Бунин»).

В данной статье мы рассмотрим ключевые, по нашему мнению, произведения К.Г. Паустовского о Пушкинском Заповеднике: «Михайловские рощи», «Дым Отечества» и «Ветер скорости».

Очерк «Михайловские рощи» («Красная новь», 1938, № 7) появился в печати в то время, когда «“компанейский” период любви к Пушкину» уже завершился, но празднование юбилея было еще свежо в памяти читателей. Хронологически произведение Паустовского примыкает к «юбилейным» произведениям, однако и по стилистике, и по идейному наполнению скорее противостоит им. Прежде всего стоит отметить, что в очерке нет ни слова о недавних всесоюзных торжествах. При этом упомянуты «народные» Пушкинские праздники: «Летний праздник бывает в Михайловском каждый год в день рождения Пушкина. Сотни колхозных телег, украшенных лентами и валдайскими бубенцами, съезжаются на луг за Соростью, против пушкинского парка. На лугах жгут костры, водят хороводы. Поют старые песни и новые частушки» [Паустовский 6: 163]. В «Михайловских рощах» нет и «юбилейной» идеологизации образа Пушкина, попытки представить его «поэтом-революционером», «нашим, советским»³ поэтом. Паустовский пишет только о том, что Пушкин стал «первым <...> народным поэтом» [Паустовский 6: 168], понимая эту «народность» отнюдь не в официальном социалистическом ключе: произведения классика близки и понятны и людям старой дворянской культуры, и советским колхозникам. На протяжении практически всего текста автор намеренно избегает выпренности, патетики, принятых в «юбилейных» произведениях общих мест («наше все», «величайший поэт»). Говоря о Пушкине, рассказчик трижды употребляет слово «простой»: «простые пушкинские строфы» [Паустовский 6: 161], «простые дороги», по которым «шагал пушкинский верховой конь и легко нес своего молчаливого всадника» [Паустовский 6: 165], «простая могила» [Паустовский 6: 168] в Святогорском монастыре. Позднее в статье «Пушкин на театральных подмостках»⁴ Паустовский так скажет о поэте: «Он был очень прост в разговорах, как был прост в своей поэзии и прозе. Но это была простота, к которой идут годами взыскательной работы. Что может быть проще слов: “Сребрит мороз увянувшее поле”, но в этой простоте заключены золотые россыпи поэзии и вся певучая прелесть русского языка. <...> Малейший оттенок пафоса, приподнятости мог убить образ Пушкина на сцене [Паустовский

8: 356]». Только в конце очерка, у могилы поэта, где пафос становится уместным, появляются «высокий слог» и патетика. Однако и здесь возвышенные слова «уравновешены» изображением лирического пейзажа: «Здесь конец блистательной, взволнованной и гениальной жизни. Здесь могила, известная всему человечеству, здесь тот «милый предел», о котором Пушкин говорил еще при жизни. Пахнет бурьяном, корой, устоявшимся летом. И здесь, на этой простой могиле, куда долетают хриплые крики петухов, становится особенно ясно, что Пушкин был первым у нас народным поэтом. Он похоронен в грубой песчаной земле, где растут лен и крапива, в глухой народной стороне» [Паустовский 6: 168].

В «Михайловских рощах» создается не «коллективный», а «личный» образ пушкинских мест, основанный не на «каноническом» представлении о музее-заповеднике «народного поэта», а на личных впечатлениях и переживаниях. Не случайно рассказчик исследует Пушкинский Заповедник самостоятельно, не обращаясь к услугам гидов-экскурсоводов, не пользуясь какой-либо справочной литературой⁵.

В начале очерка рассказчик, подъезжая к Михайловскому, замечает у дороги табличку с цитатой из стихотворения «...Вновь я посетил...»: «В разные годы под вашу сень, Михайловские рощи, являлся я» [Паустовский 6: 161]. Путешествуя по Пушкинскому Заповеднику, рассказчик повсюду замечает «знаки» [Паустовский 6: 161] со строками из произведений и писем поэта. Пушкинский текст будет сопровождать читателя на протяжении всего очерка: учитель географии, также одиноко бродящий по лесам и паркам заповедника, в разговоре с путешественником цитирует «Погасло дневное светило...» («Я вижу берег отдаленный, земли полуденной волшебные края» [Паустовский 6: 167]), а сам рассказчик, стоя у могилы поэта, вспоминает строки из «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» («Здесь тот “милый предел”, о котором Пушкин говорил еще при жизни») [Паустовский 6: 168]. Сквозь призму текстов Пушкина рассказчик и рассматривает музей-заповедник. В Михайловском, Тригорском и Петровском путешественник ищет не только конкретный усадебный топос, но и художественный образ этих мест, созданный поэтом. Церковь в Вороничах и Святогорский Свято-Успенский монастырь привлекают путешественника не архитектурой или своей древностью, а тем, что в небольшой деревянной церкви Пушкин заказал панихиду по Байрону, а в монастыре искал материал для «Бориса Годунова» и был впоследствии похоронен.

К моменту приезда Паустовского в Пушкинском Заповеднике почти не сохранилось зданий, помнящих поэта. Первый этап музеефикации, начавшийся на рубеже XIX–XX вв.⁶, был насильственно пре-

рван историческими катаклизмами. Господские дома, в том числе реконструированный дом поэта, и хозяйственные постройки в Михайловском, Тригорском и Петровском были сожжены и разграблены местными крестьянами в 1918 г. Позднее местные власти взяли пушкинские места под охрану, однако реставрационные работы по понятным причинам были начаты не сразу. В 1920 г. был отреставрирован «Домик няни» в Михайловском; в 1922 г. сёла Михайловское, Тригорское и могила А.С. Пушкина в Святогорском монастыре объявлены заповедными, однако до 1933 г. в бывшем имении поэта находились и хозяйственные учреждения. При всей сложности судьбы заповедника стоит отметить, что картина, открывшаяся Паустовскому, была для 1930-х гг. едва ли не парадной. В канун торжеств 1937 г. была расширена заповедная территория (1936), открыт дом-музей (1937), подновлен «Домик няни», созданы экскурсионно-туристические базы, частично восстановлена садово-парковая планировка, расчищены парки и пруды. К Пушкинским торжествам установили те самые таблички со стихами, которые замечает рассказчик в начале очерка.

Писатель знал об уроне, нанесенном пушкинским местам Гражданской войной, и сообщал об этом в письме сыну Вадиму: «Очень славный домик няни, единственная постройка, уцелевшая от пушкинской усадьбы, – все остальные сгорели в 1918 году» (8 июля 1937 г., с. Михайловское) [Паустовский 9: 141]. В очерке о разрушениях 1918 г. впрямую не говорится, однако рассказчик как бы мимоходом упоминает, что от дома Осиповых-Вульф в Тригорском остались «развалины» [Паустовский 1981–1986, 6: 166], а в Петровском, где некогда «был дом пушкинского деда – строптивного и мрачного Ганнибала», теперь остался только парк, где «в лопухах пасутся стреноженные лошади» [Паустовский 6: 165]. О недавно открытом доме-музее в Михайловском рассказчиком не сказано ничего, и здесь, вероятно, имеет место фигура умолчания. В 1930-х гг. реконструкция дома поэта была выполнена без ответственности здания историческому облику. Причина – вмешательство некомпетентного руководства из Всесоюзного юбилейного комитета. И.Т. Бudyлин писал, что дом-музей А.С. Пушкина «воссоздавался прежде всего как идеологическое учреждение <...>. К дому-музею вела старинная ганнибаловская аллея, в те годы украшенная портретами стахановцев. Экспозицию открывали бюсты Сталина, Горького – основателя метода соцреализма. И только последующая экспозиция рассказывала о биографии и творчестве поэта»⁷. Безусловно, такая музеефикация не могла передать не только внешний вид «опального домика», но и подлинный дух «золотого века». Для рассказчика «Михайловских роц» важна подлинность,

поэтому он обходит молчанием новодельный, идеологизированный дом-музей. Внимание путешественника направлено на мемориальные объекты: «Домик няни» в усадьбе Михайловское, церковь в Вороничах, Святогорский монастырь, где находится могила поэта. Все памятники носят следы разрушительного воздействия времени: на «ветхое крыльцо» домика няни «страшно подняться» [Паустовский 6: 164]; деревянная «церквушка» в Вороничах, «ветхая», «нахохленная, заросшая по крышу желтыми лишаями», оказывается «едва заметной сквозь гущу бузины» [Паустовский 6: 165]; могила поэта находится у «обветшалых стен собора» [Паустовский 6: 168]. Однако, несмотря на свой ветхий вид, это подлинные места, освященные памятью Пушкина; именно поэтому «Домик няни» описывается рассказчиком с особой теплотой: «Главная прелесть Михайловского парка – в обрыве над Соротью и в домике няни Арины Родионовны, единственном домике, оставшемся от времен Пушкина. Домик <...> мал и трогателен» [Паустовский 6: 164].

Исследуя Пушкинский Заповедник, рассказчик убеждается, что «почти единственное, что уцелело здесь от пушкинских времен» – «леса, озера, парки и небо» [Паустовский 6: 165]. Дошедшие до 1930-х гг. советской эпохи элементы усадебного ландшафта (парки, аллеи) и нетронутая заповедная природа больше сохраняют дух пушкинских мест, чем музеефицированные здания, из которых ушла прежняя жизнь. Такие мысли возникли у писателя еще во время жизни в заповеднике, о чем свидетельствует запись в Книге посетителей Михайловского от 11 июля 1937 года: «Сейчас от Пушкина здесь осталось самое дорогое – не дома и ограды, мосты и беседки – а природа, только природа, и величайшая заслуга работников заповедника заключается в том, что они поняли это и прежде всего охраняют и воссоздают природу, любимую Пушкиным...» [Будылин: 26]. Схожие мысли возникли в 1960-х гг. у Юрия Нагибина, чье отношение к послевоенному заповеднику было сложным и весьма критическим: «...лучшая память Пушкину – сохранившийся неизменным пейзаж вокруг Михайловского: речка Сороть, озеро Маленец, курган Воронич, пойменные луга, лес, заветная сосна на бугре» [Нагибин: 372–373]. Из всей большой работы, проделанной в заповеднике к юбилею, в очерке Паустовского упомянуты только усилия по охране и восстановлению памятного Пушкину ландшафта. Рассказчику отраднее видеть, что окрестные колхозники «гордятся земляком Пушкиным и берегут заповедник не хуже, чем свои огороды и поля» [Паустовский 6: 163], что работники заповедника высадили на месте некогда погибших трех памятных сосен молодые деревья, предварительно выяснив точное место. Особо отмечено путешественником решение сотрудников

провести электричество под землей, чтобы не ставить в заповедных местах столбы. Линия электропередачи – символ новой, советской эпохи – не соответствовала бы духу первой трети XIX столетия, могла бы разрушить «пушкинское очарование этих пустынных мест» [Паустовский 6: 165]. Даже анекдотическая сценка в доме сторожа – хозяйка за глаза ругала мужа за «чрезмерную» заботу о парке, но сама послала сторожа выгонять «шпаненка» [Паустовский 6: 164], оказавшегося живописцем Натаном Альтманом – проникнута только мягким, сочувственным юмором. Комична сама ситуация, но искренность «неумеренной» привязанности обоих супругов к парку Тригорского рассказчику очевидна.

В природе Заповедника рассказчик видит и причину особой любви поэта к этим местам, и секрет особенной творческой активности Пушкина во время пребывания в Михайловском. В Книге посетителей Михайловского Паустовский выскажет это прямо: «Михайловские рощи, холмы и парки, весь комплекс здешней мягкой и по-северному немного печальной природы – полны громадной лирической силы и в этом, в значительной мере, лежит разгадка прелести пушкинских стихов, написанных здесь» [Будылин 2006: 26]. Сохраняя «пушкинский» ландшафт, потомки сохраняют и место, где новые поколения писателей могут обрести вдохновение.

Природные образы пронизывают весь очерк. В начале произведения путешественник находит таблички с цитатами «в траве, на обочине дороги»; исследуя заповедник, бывает «в некошенных лугах над Соротью, на песчаных косогорах по дороге из Михайловского в Тригорское, на берегах озер Маленца и Петровского» [Паустовский 6: 161], в усадебных парках бывших имений; в финале, поднимаясь на Пушкинские Горы, осматривает с самой высокой точки панораму заповедника. Особой семантикой наделены образы леса, парка и аллеи. «Вековой сосновый лес» [Паустовский 6: 161] – первое, что видит рассказчик, подъезжая к Михайловскому; именно там путешественник обнаруживает первую табличку с цитатой из стихотворения «...Вновь я посетил...». И пушкинские строки, и сам древний бор обозначают границу, где начинается пространство памяти. Лес – место верховых прогулок Пушкина, место уединенных размышлений и любования красотой природы. С лесной поляны рассказчик наблюдает живописную грозу над Михайловским, на лесистом холме разговаривает с учителем географии, с детства любящим Пушкина. Однако усадебные леса как наименее затронутая человеком часть ландшафта не носят «отпечатка» конкретной исторической эпохи, и рассказчику все же «трудно было представить себе, что по этим простым дорогам со следами лаптей, по муравейникам и узловатым корням шагала пушкинская верховая конь

и легко нес своего молчаливого всадника» [Паустовский 6: 165]. В усадебных парках, каждый из которых обладает собственным «лицом», путешественник находит и дух прошлого и отражение судьбы и личности их владельцев. В бывшей усадьбе Осиповых-Вульф Тригорском, где гостил у друзей Пушкин, парк даже в пасмурные дни «пропитан солнцем» [Паустовский 6: 164]; в нем как бы навсегда сохранилась атмосфера праздника. Там рассказчик обнаруживает табличку с цитатой из стихотворения «Простите, верные дубравы!»: «Прости, Тригорское, где радость / Меня встречала столько раз!» [Паустовский 6: 161] Михайловское – место ссылки поэта – располагает не к веселью, а к одиночеству и размышлениям; там «пустынно и тихо» [Паустовский 6: 164], а старый парк переходит в вековые леса. Однако именно это имение, а не «солнечное» Тригорское больше всего трогает путешественника: «Я изъездил почти всю страну, видел много мест, удивительных и сжигающих сердце, но ни одно из них не обладало такой внезапной лирической силой, как Михайловское» [Паустовский 6: 161–162]. Парк Петровского соответствует и облику, и характеру хозяина, «строптивого и мрачного Ганнибала» [Паустовский 6: 164]; этот парк «черен, сыр, зарос лопухами, в него входишь, как в погреб», там «на вершинах темных деревьев гнездятся хриплые галки» [Паустовский 6: 165]. В аллее, названной в честь Анны Керн, рассказчик как бы случайно встречает ее внучку Аглаю Пыжевскую⁸, заставшую свою знаменитую бабушку. Аллея, таким образом, становится местом «немузейной», живой памяти, весьма отличающейся от сложившихся канонов: Анна Керн запомнилась ее родственнице не красивой женщиной, которой был когда-то увлечен поэт, а глубокой старухой.

В очерке мало написано об усадебном укладе жизни, об ушедшем в прошлое дворянском быте; особенно заметно это при сравнении с «усадебными» произведениями И.А. Бунина и А.Н. Толстого, густо насыщенными повседневными бытовыми подробностями. Однако и по этим кратким упоминаниям можно судить об отношении рассказчика к усадебной культуре. В «Михайловских рощах» упомянуты верховые прогулки Пушкина, «семейные праздники» в Тригорском, «дружеские беседы... танцы при свечах под черными шатрами листьев, девичий смех и шуточные признания» [Паустовский 6: 164] – наиболее «литературная» часть жизни русской усадьбы. Рассказчика не интересуют социальные и экономические аспекты: усадьба для него – место отдохновения, философских размышлений, творчества, праздников, дружеских встреч, легких ухаживаний, наконец, соприкосновения с природой. Жизнь в имении воспринимается им сквозь призму литературы и искусства. Путешественник видит в усадьбах не сколько «поте-

рянный рай» и «родовое гнездо», сколько высочайшую культурную и эстетическую ценность.

Во время путешествия по заповеднику рассказчик встречается с людьми, чьи судьбы тесно связаны с ним. Путешественник отмечает, сколь разным оказывается образ Пушкина у представителей разных социальных слоев и поколений. Так, учитель географии видит в Пушкине любимого поэта, чьи стихи скрашивали тяжелое детство героя, колхозники – известного земляка, прославившего Псковщину, «хозяина» этих мест, чуть ли не «своего барина». Внучке Анны Керн, собирающей воспоминания стариков о Пушкине, не всегда понятны «путаные» рассказы, в которых образ поэта обрастает легендами. Для героини и ее бабушка, и сам поэт – реальные исторические личности, к образу которых не должен примешиваться какой-либо фольклорный элемент. Для рассказчика, человека, несомненно, высокой культуры, дороги и глубокое понимание творчества поэта образованными людьми, и простодушная, но искренняя привязанность народа к Пушкину. Единогласного, «канонического», «всесоюзного» Пушкина на самом деле не существует, у каждого человека – свой образ поэта, свое отношение к нему.

Через весь очерк проходит не только сознание сакральности заповедных мест, но и ощущение невозвратимости прошлого, сохранившегося в заповеднике в виде «осколков» и «теней». Ветшают последние здания, помнящие поэта, от многих других сохранились в лучшем случае развалины; усадебные парки оберегаются, но прежняя жизнь из них давно ушла. Уходят в прошлое и люди, помнящие современников Пушкина, исчезают человеческие типы и отношения между людьми, еще на рубеже веков сохранявшие «пушкинские» черты. В «Аллее Керн» встречаются уже поклонники творчества поэта и внучка Анны Керн, помнящая отнюдь не поэтические подробности из жизни бабушки, «выжившей из ума» [Паустовский 6: 162] от старости. Сама Аглая Пыжевская – еще бодрая, но пожилая и одинокая женщина, живущая воспоминаниями и мечтающая умереть на пушкинской земле. «Золотой век» дорог героине как образ прекрасного, идеализированного прошлого, которое ближе ей, чем советская действительность. В старой церкви, где Пушкин заказывал панихиду по Байрону, служит только нищий старик-священник, не вызывающий никакого почтения у «народа» – плотников, строящих рядом с памятным местом школу. Учитель географии, рассказывая о своем отце, рисует образ типичного представителя «вырождающегося дворянства»: озлобленного нуждой человека, старающегося сохранить последние остатки дворянской гордости («Мой отец служил бухгалтером в больнице в Вологде <...>. В общем, был жалкий старик – пьяница и хвостун. Даже во время самой отчаянной нужды он носил застиранную крахмальную маниш-

ку, гордился своим происхождением. Он был обрусевший литвин из рода каких-то Ягеллонов. Под пьяную руку он порол меня беспощадно. <...> Когда отец напивался, он начинал читать стихи Пушкина и рыдать» [Паустовский 6: 166–167]). Самому географу его предки, князья и короли, правящие в Польше, Литве, Чехии и Венгрии, совершенно неинтересны; это «новый человек», отрекшийся от своего рода. В Пушкинских Горах сохраняются черты забытой старины, но они скорее отталкивают или пугают: «от лабазов и лавок несет рогожами, копченой рыбой и дешевым ситцем», который «пахнет, как столярный клей», в трактире встречаются зловещие «черные старики времен Ивана Грозного», «пергаментные, с пронзительными глазами, с глухим, каркающим голосом, похожие на юродивых» [Паустовский 6: 168]. В конце очерка, исследовав изменившиеся пушкинские места, рассказчик приходит к могиле поэта: «Здесь конец блистательной, взволнованной и гениальной жизни» [Паустовский 6: 168]. Рассказчик констатирует: культура «золотого века», во многом созданная образованным русским дворянством, не сохранилась неприкосновенной даже в памятных местах и вытесняется новой советской – «народной», «рабоче-крестьянской». Однако определить отношение путешественника к переменам и в пушкинских местах, и во всей стране не так просто: во-первых, в 1930-е гг. многое можно было говорить только намеками, во-вторых, рассказчик занимает позицию не судьи, а наблюдателя, избегающего прямых оценок.

Современному исследователю легко прочесть в очерке скрытую полемику с новой культурой и даже сатиру на Заповедник, как это сделал Д.В. Мызников: «Жизнь здесь, оснащённая табличками и бездарными на фоне пушкинских стихов и его отношения к народному слову частушками, превращена даже не в музей, а в некое место, где подлинной жизни нет, а всё подчинено куцей идеологии, которой не служит только природа, да те, кто жил здесь до всех перипетий последних лет» [Мызников: 44]. Мы все же придерживаемся иного мнения и считаем образ Пушкинского Заповедника сложным, амбивалентным. То, что прежних пушкинских мест в их «настоящем» виде уже не существует, воспринимается рассказчиком как безусловная утрата. Музей-заповедник воспринимается как «тьма» «золотого века» русской культуры, безусловно, близкого рассказчику⁹. При этом путешественник с радостью отмечает, что любовь к Пушкину и забота о природе могут объединить «старых» и «новых» людей, что не все наследие классической культуры отринуту новым временем. В посадке трех сосен на месте погибших памятных участвовали и работники заповедника, и старые крестьяне, а на Пушкинском празднике будут присутствовать и Аглая Пыжевская,

и колхозники, распеваящие незатейливые частушки о Михайловских рощах.

Музеефикация не может сохранить усадьбы и другие памятные места такими, какими их запечатлели в своих произведениях русские классики. Причина этого – не только в послереволюционных разрушениях, но и в течении «реки времен», в неотвратимой смене эпох и культур (хотя и принявшей в XX столетии характер взрыва). Однако превращенные в литературный заповедник имения остаются пространством памяти, местом, где человек может сосуществовать в гармонии с природой. И этим Пушкинский Заповедник дорог путешественнику.

Роман «Дым отечества» был написан К.Г. Паустовским за год до окончания Великой Отечественной войны¹⁰ и во многом порожден тревогами и надеждами военных лет. И переживания за судьбу Пушкинского Заповедника, в 1941–1944 гг. оказавшегося в оккупации, и время, прошедшее с первого посещения «Михайловских рощ», не могли не повлиять на образ заповедных мест.

В начале романа главные герои – известный пушкинист Семен Львович Швейцер, ленинградский художник-реставратор Николай Генрихович Вермель, ученик Вермеля Пахомов и дочь квартирной хозяйки, артистка одесского театра Татьяна Андреевна Боброва – приезжают в Михайловское. Там же оказываются подруги-студентки Нина и Варя, решившие провести на Псковщине зимние каникулы.

В «Дыме отечества», как и в «Михайловских рощах», природа сохраняет атмосферу пушкинской эпохи. Глядя на «величественные леса, где меж сосен лежал свет холодного солнца», Швейцер радуется, что «все это видел Пушкин, – видел вот таким же, каким видит сейчас и он, Швейцер» [Паустовский 2: 296]. Метель напоминает и о повести Пушкина, и о строчках из стихотворения «Зимнее утро»: «Изредка в небе светилось голубоватое пятно – за тучами пробивалась луна, но тотчас гасла – с заунывным свистом на нее неслась темнота» [Паустовский 2: 294]. Непогода, отрезавшая героя от мира, поражает непривычного к суровому северному климату горожанина, но вместе с тем благоприятствует работе над книгой о Пушкине.

Герои романа с особым трепетом и благоговением относятся к «Домику няни» и могиле Пушкина в Святогорском монастыре, однако в романе появляется и дом-музей в Михайловском. Теперь в «новодельном» доме поэта можно окунуться в атмосферу прошлого и даже сделать открытие: Татьяна Андреевна оказывается потомком Каролины Сабанской и помогает найти портрет Пушкина, когда-то подаренный роковой красавице поэтом.

Из места, где сохранились последние осколки пушкинской эпохи и память о ней, Пушкинский

Заповедник становится пространством, где можно окунуться в «золотой век», ощутить живое присутствие поэта. Музеефицированный усадебный топос, как и «живая» русская усадьба, обладает в романе жизнестроительным потенциалом. Заповедные места становятся для героев местом не только отдыха, но и напряженной внутренней работы, духовного преображения.

До приезда в Михайловское Швейцер был типичным кабинетным ученым, познававшим жизнь и творчество поэта по книгам; все труды литературоведа были, как потом понимает герой, «бесконечным повторением своими словами пушкинских мыслей». Посетить места, где Пушкин жил и творил, Швейцеру не давали то напряженная научная работа, то строящая супруга, беспокоящаяся о слабом здоровье мужа. Однако Вермель, старый школьный товарищ Семена Львовича, настоял на поездке: «Как можно писать о Пушкине – и не увидеть тех мест, которые поэт любил с таким напряжением!» [Паустовский 2: 296]. Условия жизни в Михайловском оказываются действительно суровыми для городского человека. Ученому отводят комнату в пустом флигеле, где живет только прислуживающая Швейцеру женщина; во время сильной метели не привозят ни газет, ни воды, и герой чувствует себя «не то на зимовке, не то в осаде» [Паустовский 2: 297]. Однако «Швейцеру нравилось в Михайловском все», даже «собственное одиночество» [Паустовский 2: 296]. Пребывание в бывшем имении поэта внезапно открывает возможность для жизнестроительства, в данном случае – сознательного выстраивания своей судьбы по литературной модели. Эта идея приходит к герою внезапно, как озарение свыше: «Однажды ночью Швейцер проснулся, и ему пришла в голову мысль, что лучше всего можно написать о поэте или писателе, если пережить самому все, что испытывал он, увидеть все, что он видел, перестрадать всем, чем он страдал. Это была еретическая для ученого мысль, но Швейцер обрадовался ей» [Паустовский 2: 296]. Вынужденная оторванность от друзей и привычного быта, одиночество, деревенская жизнь, во многом не изменившаяся со времен Пушкина, приближают пребывание в Михайловском к условиям ссылки поэта. Усадьба, превращенная в музей, вновь становится местом творческого труда, работы духа. Живя в Михайловском, Швейцер обретает вдохновение для новой книги о Пушкине – не сухого литературоведческого труда, а «книги о живом, обаятельном человеке» [Паустовский 2: 296]. Герой не только перестает быть «кабинетным ученым», но и пересматривает свою жизнь, обретает решимость и самостоятельность.

По литературной модели выстраивается и история Татьяны Андреевны Бобровой. Еще в Одессе в артистку влюбился испанец Рамон Перейро. Та-

тьяна Андреевна не сразу разгадала глубину чувства молодого человека испытывала к нему скорее симпатию и жалость (в дороге Рамон тяжело заболел). Страстное признание влюбленного юноши показало героине напыщенно-театральным и рассмешило ее; оскорбленный, испанец разорвал всякое общение с Татьяной Андреевной, оставив ее в совершенном смятении. Подобно героям и героиням классической литературы, уезжающим в усадьбу для разрешения духовного кризиса, Татьяна Андреевна обретает в Михайловском временное успокоение. В пушкинских местах Татьяне Андреевне наконец удается осмыслить свои чувства к Рамону, понять, что она не влюблена, но обязана загладить свою вину перед обиженным ею человеком. Впоследствии героиня разыскивает уже умирающего юношу и говорит, что любила его, чтобы скрасить последние часы Рамона.

Судьбы героев, оказавшихся вместе в Михайловском, навсегда переплетаются; в пушкинских местах завязывается одна из сюжетных линий, связанная с поисками Швейцером портрета Пушкина.

Во второй, «военной» части романа, герои оказываются в разных местах фронта и тыла. Швейцер остается в Пушкинском Заповеднике, чтобы сделать все возможное для спасения музейной коллекции и могилы поэта. Испытание оказывается почти непосильным для самоотверженного, но немолодого, слабого здоровьем ученого; больного, надломленного пережитыми в оккупации испытаниями, его находят партизаны. Спасение приходит как награда за подвиг, взятый на себя во имя спасения культуры.

Главы, посвященные жизни Пушкинского Заповедника в оккупации, нельзя назвать документально точными, так как Паустовский не присутствовал при этих событиях. О некоторых подробностях, например о попытке захватчиков использовать музей в своих пропагандистских целях, стало возможным открыто говорить только десятки лет спустя. При этом именно в «военных» главах романа сакрализация Пушкинского Заповедника достигает пика; места, где пережил опалу, творил и был похоронен поэт, – высочайшая ценность, которую необходимо сберечь в любых испытаниях.

В «Дыме отечества» все противоречия между старой и новой культурными эпохами снимаются. Советская культура – наследница классической, ее естественное продолжение, что неоднократно подчеркивает автор (артистка с пушкинским именем Татьяна похожа на свою прабабку Каролину Сабанскую, во время войны пушкинские строки помогают героям сражаться и т. д.). И «старомодный» художник Вермель, и советские студентки Нина и Вера – «потомки Пушкина»; разрушение заповеднику и всему наследию классической русской культуры несет

не новая культура, а новое варварство, принесенное фашистами.

В очерке «Ветер скорости» (1954) Михайловское показано глазами рассказчика, приехавшего в пушкинские места не в первый раз. На это указывают и слова о том, что «Домик няни» «так же трогателен, как всегда» из стихотворения Пушкина «...Вновь я посетил...» [Паустовский 7: 129]. Паустовский, несомненно, осознавал тесную связь между «Михайловскими рощами» и «Ветром скорости»; при подготовке собрания сочинений в шести томах автор включил оба очерка в цикл «Странствия», объединивший произведения 1924–1957 гг.

Снова посещая музей-заповедник, рассказчик начинает думать о Пушкине задолго до въезда в Михайловское, с прежним волнением переживает встречу с памятными местами: «Чем ближе мы подъезжали к Пушкинским Горам, тем больше волновались, будто нам предстояло встретиться с живым поэтом» [Паустовский 7: 128].

Повторное посещение того или иного места подразумевает невольное сравнение увиденного с его образом, оставшимся в памяти. Поэтому возвращение в знакомые края связано с опасением увидеть их изменившимися и потерявшими часть своего обаяния или не суметь «войти в диалог» с любимым местом. Эта мысль высказана рассказчиком в другой части очерка, посвященной Петербургу: «Сколько раз ни приезжаешь в Ленинград, всегда волнуешься, как перед свиданием с любимым человеком, которого не видел много лет. Узнает ли он тебя? <...> Примет ли он тебя с прежней простотой? Или будет молчать, сдерживая зевоту, как всегда бывает, когда умирают старые связи?» [Паустовский 7: 130]. За прошедшие годы в Пушкинском Заповеднике действительно изменилось многое. Во время войны практически все здания были разрушены или в ходе боев, или немцами при отступлении. Погибли не только дом-музей в Михайловском, но и «Домик няни» и церковь в Вороницах; серьезно пострадал Святогорский монастырь; могила поэта была заминирована фашистами и спасена ценой жизни нескольких саперов. Пострадали от порубок усадебные парки. В 1947–1949 гг. «Михайловское» и Свято-Успенский Святогорский монастырь были восстановлены. Заново отстроен «Домик няни», реконструирован – на этот раз грамотно, с соответствием историческому облику – дом поэта. Стараясь максимально восстановить «изначальный» вид пушкинских мест, работники заповедника, конечно, не могли вернуть прежних мемориальных зданий.

Посещая памятные места, рассказчик отмечает ущерб, нанесенный музею-заповеднику войной: большую часть старых елей главного въезда «срубили немцы» [Паустовский 7: 128], «Домик няни» уже не «единственный сохранившийся», а «восста-

новленный нашими войсками после изгнания из Михайловского фашистов» [Паустовский 7: 128]. Неприятно поражает рассказчика и открывшаяся ему оборотная сторона музеефикации. Путешественникам хотелось по традиции поклониться могиле Пушкина, однако «сонная служащая в гостинице Пушкинского заповедника сказала... что “могила закрыта на ремонт”». Вторжение в поэтические, священные места канцелярита, равнодушного отношения к памяти поэта так возмутило рассказчика и его спутников, что им захотелось «наговорить сонной девице много горьких слов», но герои «поняли, что это бесполезно» [Паустовский 7: 128]. Мертвящему, казенному подходу к памятным местам рассказчик противопоставляет лирическую природу Михайловского парка и пляску цыганок перед домиком няни, воспринятую рассказчиком как своеобразную дань памяти Пушкину.

За прошедшие годы изменился и сам рассказчик. Умудренный годами, переживший тяжелейшую войну человек, он примиряется со скоротечностью времени и невозможностью сохранить памятные места неизменными. Поэтому мотив невозвратимости прошлого во втором очерке о Пушкинском Заповеднике звучит приглушенно, уходя на второй план и как бы смягчаясь: «На колоннах были укреплены деревянные лиры. Отсюда <...> начинался Пушкинский заповедник. Давно уже отзвенели лиры, их нет даже в музеях, но они милы нам потому, что о них упоминал Пушкин. “Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит”» [Паустовский 7: 128]. Рассказчику вспоминаются строки из «Памятника», где слава поэта основана на «памятнике нерукотворном» – непреходящей ценности его творчества. Путешественник радуется тому, что удалось сберечь, сохранить, восстановить после военных лет. Неслучайно, смотря на восстановленный заново «Домик няни», рассказчик убеждается, что «его низенькие потолки и деревянные колонки на крыльчке» [Паустовский 7: 128] все так же трогают сердце. Пушкинский Заповедник уже воспринимается как пространство вечного присутствия поэта вне зависимости от того, насколько «подлинно историческими» являются здания и сколько елей сохранилось в парке.

Конфликта культур, спора двух столетий в «Ветре скорости» больше не возникает, хотя место мемориальных зданий заняли реконструкции, а канцелярский стиль нового века диссонирует с языком пушкинской эпохи. Великая Отечественная становится переломным моментом, который примирил культуру «золотого века» и культуру советскую: «Солдаты, погибшие за эти поля и леса, за бревенчатые деревни и говорливые реки, лежат здесь, в зернистом песке, рядом с Пушкиным – нашей гордостью, нашим счастьем и любовью [Паустовский 7: 125]».

Подведем итоги. Образ Пушкинского Заповедника в творчестве К.Г. Паустовского не был статичным, хотя в изображении писателем пушкинских мест можно выделить определенные константы (например, мало менялись восприятие и отражение в произведениях «Домика няни», места упокоения поэта, природы заповедных мест, в том числе усадебных парков). В очерке «Михайловские рощи» музей-заповедник – место, где сохранились только последние «осколки» и «тени» прошлого, воспетая Пушкиным прекрасная природа и память о поэте, объединяющая представителей «старой и новой» культур. В произведениях, написанных во время войны и в послевоенные годы, образ Заповедника переосмысливается автором. Из пространства памяти о невозвратимом прошлом Пушкинский Музей стал местом вечного присутствия духа поэта и памяти о нем.

Примечания

¹ Позднее эти слова в несколько измененном виде войдут в последнее прижизненное издание «Золотой розы» (глава «Иван Бунин»).

² Фонды ГБУК г. Москвы «Музей К.Г. Паустовского». Письмо: Эйхлер Г. – Паустовскому К.Г. 24 октября 1936 г. (МЛМЦ КГП – 3187/86).

³ Слава русского народа // Правда. 1937. 10 февр. № 40. С. 1.

⁴ Статья впервые напечатана в журнале «Вопросы литературы» (1969, № 5).

⁵ Во время работы над статьей нами был сделан запрос директору музея К.Г. Паустовского А.И. Дормидонтовой о наличии каких-либо книг о музее-заповеднике в библиотеке Паустовского. Единственным печатным изданием был альбом с видами Михайловского, подаренный ленинградским кинооператором Ф.И. Овсянниковым.

⁶ В юбилейном 1899 г. Михайловское было в выкуплено государственную собственность на народные пожертвования, в 1911 г. открылся дом-музей. Первоначальное название музея-заповедника – «Пушкинский уголок».

⁷ Будылин И.Т. Особо ценный объект // Литературная газета. № 10 (6361). 2012. 14 марта.

⁸ Фамилия реальной внучки А.П. Керн – Кулжинская. Драматический псевдоним – Дарган.

⁹ Сам Паустовский в статье «Чувство истории» признавался, что XIX век ближе ему, чем любая историческая эпоха.

¹⁰ По другим сведениям, роман был написан в 1951 г. См. комментарии: [Паустовский 2: 608].

Библиографический список

Акимова М.С. Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 22–29.

Богданова О.А. Образ усадьбы-музея в русской литературе 1920-х гг. // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 190–205.

Будылин И.Т. Деревенский Пушкин. Пушкинские места Псковского края. Москва: Профиздат, 2006. 464 с.

Будылин И.Т. Писатели России в пушкинском заповеднике (музей у старой дороги) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 184–190.

Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Ленинград: Лениздат, 1989. 445 с.

Мызников Д.В. Повесть «Кара-Бугаз» как лаборатория художественного метода К. Паустовского периода 1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010. 175 с.

Нагибин Ю.М. Дневник. Москва: Книжный сад, 1996. 704 с.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Москва: Худож. лит., 1981–1986.

References

Akimova M.S. *Usad'by i muzeinyi mir v povesti S.D. Dovlatova "Zapovednik"* [Manor world and museum myth in S.D. Dovlatov "Reserve"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2020, vol. 13, No. 6, pp. 22-29. (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Obraz usad'by-muzeia v russkoi literature 1920-kh gg.* [The image of the estate-museum in Russian literature of the 1920s]. *Studia Litterarum* [Studio Litterarum], 2019, vol. 4, No. 2, pp. 190-205. (In Russ.)

Budylin I.T. *Derevenskii Pushkin. Pushkinskie mesta Pskovskogo kraia* [Village Pushkin. Pushkin places of the Pskov region]. Moscow, Profizdat Publ., 2006, 464 p. (In Russ.)

Budylin I.T. *Pisateli Rossii v pushkinskom zapovednike (muzei u staroi dorogi)* [Writers of Russia in the Pushkin Reserve (museum near the old road)]. *Pskov: nauch.-prakt., istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov: scientific and practical, historical and local history journal], 2010, No. 33, pp. 184-190. (In Russ.)

Gordin A.M. *Pushkin v Mikhailovskom* [Pushkin in Mikhailovsky]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989, 445 p. (In Russ.)

Myznikov D.V. *Povest' "Kara-Bugaz" kak laboratoriiia khudozhestvennogo metoda K. Paustovskogo perioda 1930-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk* [The story "Kara-Bugaz" as a laboratory of the artistic method of K. Paustovsky period of the 1930s: PhD diss]. Barnaul, 2010, 175 p. (In Russ.)

Nagibin Iu.M. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, Knizhnyi sad Publ., 1996, 704 p. (In Russ.)

Paustovskii K.G. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1981-1986. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.